

Е.С. Бушуева¹, Т.Ю. Смертина
Иркутский национальный исследовательский технический университет (Иркутск)
М.И. Алферина
Забайкальский краевой краеведческий музей (Чита)
¹spasite.tserkov1712@gmail.com

Воссоздание облика цогчен-дугана Цугольского дацана в Забайкалье по акварелям П.Н. Рязанцева

Аннотация

В статье представлены репродукции нескольких акварелей из фонда Забайкальского краевого краеведческого музея, выполненных в начале XIX в. первым художником края П.Н. Рязанцевым. Ценность художественных произведений мастера состоит в том, что на его акварелях были запечатлены уникальные историко-архитектурные объекты, ныне безвозвратно утраченные. Благодаря акварельным наброскам художника появилась редчайшая возможность воссоздать внешний вид главного цогчен-дугана Цугольского дацана периода первого поколения храмов северного буддизма, познакомиться со спецификой его архитектурно-пространственного решения, проследить особенности образно-композиционных принципов внутреннего убранства интерьеров буддийских храмов рассматриваемого исторического периода.

Ключевые слова: Нерчинск, художник-самоучка, Цугольский дацан, цогчен-дуган, буддийский храм первого поколения

E.S. Bushueva¹, T.Yu. Smertina
Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk)
M.I. Alferina
Trans-Baikal Regional Museum of Local Lore (Chita)
¹spasite.tserkov1712@gmail.com

Recreation of appearance of tsokchin-dugan Tsugolsky Datsan in Trans-Baikal Region on the base of the P.N. Ryazantsev's watercolors

Abstract

The article deals with reproductions of several watercolors from the collection of the Trans-Baikal regional museum of local lore, made in the early 19th century by P.N. Ryazantsev, the first artist of Trans-Baikal. The value of the master's works is that his watercolors depicted unique historical and architectural objects, now irretrievably lost. Thanks to the artist's watercolor sketches, there was a rare opportunity to recreate the appearance of the main tsokchin-dugan Tsugolsky datsan of the first generation of northern Buddhist temples, to learn the specifics of its architectural and spatial solutions, to trace the features of figurative and composite principles of interior decoration of Buddhist temples and monasteries of the reviewed historical period.

Keywords: Nerchinsk, self-taught artist, Tsugolsky datsan, tzoqchen-dugan, Buddhist temple of the first generation

В фондах краеведческого музея Забайкальского края хранятся произведения талантливого художника-самоучки Прокопия Николаевича Рязанцева (1829–1897), выполненные маслом, акварелью и тушью. В условиях зарождения фотографии, когда территорию обширного края обслуживали всего два фотосалона (в Нерчинске и Чите), являясь для большей части населения невиданным дорогостоящим чудом, работы П.Н. Рязанцева стали бесценными этнографическими и историческими документами эпохи [Алферина, 2001, с. 131]. На его акварелях запечатлены уникальные историко-архитектурные объекты, ныне безвозвратно утраченные [Бушуева, 2016, с. 43–45]. Благодаря акварельным наброскам, появилась возможность воссоздать их внешний вид,

познакомиться со спецификой архитектурно-пространственного решения храмов первого поколения северного буддизма и православных храмов начала XVIII в., передать особенности образно-композиционных принципов внутреннего убранства интерьеров буддийских монастырей.

Прокопий Николаевич родился в г. Нерчинске в большой небогатой семье. Из восьми детей его единственного отдала учиться в приходское учебное заведение. После успешного окончания отец, Николай Иванович, перевел сына в первый класс Нерчинского уездного училища. Здесь мальчик продолжил с глубоким интересом учебу, и к третьему классу особенно ярко проявились его природные способности к рисованию, черчению, чистописанию и каллиграфии.

В трудное для Рязанцева время на его работы обратил серьезное внимание и оценил их мастерство местный богатый купец и известный золотопромышленник Михаил Дмитриевич Бутин, который выступил меценатом и предоставил художнику возможность много и плодотворно рисовать. Рязанцев работал, выполняя заказы М.Д. Бутина. Вместе с ним художник не раз выезжал на подведомственные купцу прииски, ездил и по бурятским степным улусам. Благодаря этому Рязанцев побывал в Аге, Цуголе и других живописных местах Восточного Забайкалья. Во время таких поездок им было выполнено много зарисовок с натуры. Это были и сооружения буддийской культовой архитектуры, и разнообразные бытовые сцены из жизни бурят. При посещении в 1859 г. Цугольского дацана художник исполнил несколько портретов лам и небольшую акварельную зарисовку усадьбы дацана, ставшей впоследствии уникальной.

Первый исследователь его творчества А.В. Харчевников, подчеркивая мастерство художника Рязанцева, особо отмечал его «поразительную наблюдательность и понимание самых разных сторон местной инородческой жизни» [Харчевников, 1924, с. 2]. Национальные психологические образы, повседневный быт местных народностей, шаманство, ламаизм, улусы, моления — все нашло отражение в небольших набросках художника, многие из которых позднее были разработаны в целый ряд картин. С несколькими наиболее интересными и этнографически ценными произведениями мастера познакомимся поближе.

Акварель «**Старый Цугольский дацан**» была написана П.Н. Рязанцевым в 1859 г. (ил. 1). На ней изображены серые, без какой-либо раскраски деревянные строения крупнейшего в крае монастырского ансамбля северного буддизма на фоне бесконечной гряды низких забайкальских сопок, нежно освещенных лучами заходящего солнца. Теплый, приглушенный свет заполняет картину «до краев», привнося в нее ощущение высокой одухотворенности сюжета, безбрежного покоя и утонченной гармонии и в то же время придавая ей мажорную тональность. На акварели художник смог уместить до удивления большую панораму окружающего его пространства. Это стало возможным благодаря специфическому выбору композиции, основанной на повторе параллелей. Если внимательно присмотреться к рисунку, то на нем четко читается пять условных планов, устремленных в безграничную даль. Сюжет картины и ее колорит реалистично передают цветовую гамму, с преобладанием темно-зеленого и коричнево-золотистых тонов, столь характерных для степной местности Забайкальского края. На переднем плане акварели размещены две небольшие группы людей, которые свободно и непринужденно komponует художник. Каждый персонаж взаимосвязан с другими и в целом органично вплетается в пейзажно-архитектурный мотив художественного произведения. Несмотря на малый размер изображенных человеческих фигур, каждая из них детально прописана. Художник постарался реалистично передать особенности национальной одежды бурят, их манеры общения, в виде неторопливого разговора мужчин, помог зрителю ощутить гармоническую связь их жизни с окружающей природной средой.

В глубине картины просматриваются деревянные

постройки Цугольского дацана, одного из крупных и значительных степных монастырских комплексов Забайкалья первой половины XIX в. Дацан был широко известен и под тибетским названием Даши Чойпэллинг, которое он получил в честь главного божества буддийского пантеона — Чойжил. Из документального «списка Ламайских дацанов Восточной Сибири» известно, что Цугольский дацан первоначально был основан в 1801 г. и существовал в виде «войлочной кумирни» вблизи хребта Урдунуй и лишь в 1831 г., по настоятельной просьбе нескольких крупных бурятских родов (харгана, хуацай, галзут) начались строительные работы по возведению двухэтажного деревянного цогчен-дугана, который был закончен в 1834 г. Чертеж первого стационарного здания дацана — цогчен-дугана — обнаружен на сегодняшний день лишь в фондах архива РГИА [Жамсуева, 2001б, с. 54]. К 1840 г. дацан уже имел вид законченного архитектурного комплекса, включавшего главный храм буддийского монастыря цогчен-дуган, выполненный из дерева, четыре малых храма-сумэ и несколько небольших жилых домиков лам [Жамсуева, 2001б, с. 22]. Бурятский буддийский монастырь, распланированный по принципу хурээ (кольца), был обнесен невысокой кирпичной оградой, очерчивающей границы культового комплекса, что хорошо передано в художественном произведении мастера.

Особого внимания и отдельного разговора на акварели художника заслуживает главное культовое сооружение архитектурного ансамбля Цугольского дацана, относящееся к первому поколению храмов северного буддизма — «трехглавое» стационарное здание цогчен-дуган (ил. 2). На протяжении долгих десятилетий он считался жемчужиной бурятского культового зодчества Забайкалья начала XIX в. Здание квадратное в своем основании, с небольшими колоколенками на крышах, в плане по периметру за счет прирубов представляющая крест. Если внимательно присмотреться к его фасаду, то заметно сходство с русскими православными церквями. Данные характеристики были присущи всем бурятским культовым сооружениям первого поколения. Объясняется это тем, что буряты в период конца XVIII — начала XIX вв. не имели практических навыков строительства деревянных зданий и поэтому вынуждены были обращаться за помощью к русским мастерам и плотникам. Неудивительно поэтому, что первоначально основой бурятского храмового строения служила русская строительная техника и конструкция деревянного сруба избы. Возведенные таким образом цогчен-дуганы внешне украшались восточными декоративными элементами, имитирующими специфические технические особенности конструкции «восточного стиля» тибетских, монгольских и китайских культовых построек [Жамсуева, 2001б, с. 57]. Основное здание Цугольского храма, цогчен-дуган, по периметру было окружено открытой галереей, поддерживаемой многочисленными деревянными колоннами без традиционной красной окраски. К особенностям бурятских храмов первого поколения можно отнести прямые края крыш еще без внешних буддийских символов (украшений), что хорошо видно на акварели художника П.Н. Рязанцева.

Обобщая вышеизложенное, видим, что в бурятской культовой архитектуре начала XIX в. свободно преодолевались границы национальных культур,

происходило их взаимообогащение по принципам «восток-запад», что проявилось в уникальном синтезе русских, тибетских, монгольских и китайских архитектурно-строительных традиций.

Историко-этнографическая значимость акварели П.Н. Рязанцева «Старый Цугольский дацан» заключается в сохранении им для последующих поколений первоначального облика буддийского монастыря, характерного для первого периода. К настоящему времени, архитектурный вид Цугольского дацана кардинально изменен. Это было связано с политикой царизма в сфере вероисповедания коренных народов. Исследователь Д.С. Жамсуева замечает, что архитектурный стандарт в строительстве бурятских дацанов появился в начале XIX в., в рамках реформаторских преобразований в Сибири графа С.С. Сперанского. С 1822 г. царское правительство стало целенаправленно заниматься вероисповедными делами бурят. К 1854 г. были составлены и утверждены в «Положении о ламайском духовенстве Восточной Сибири» типовые чертежи-планы дацанов [Жамсуева, 20016, с. 54]. Согласно данному документу, образцом для главных культовых сооружений буддийских дацанов — цогчен-дуганов — были определены пятиглавые, трех- и одноглавые русские церкви в форме креста. Восточная стилистика придавалась этим образцам за счет изменения конфигурации их крыш, башенок глав и кровли. Прямые ассоциации с объектами русской культовой архитектуры не могли не вызывать недовольства среди хоринского духовенства, которое всевозможными средствами пыталось избавиться от русских традиций (вплоть до умышленных поджогов культовых построек). А с последней четверти XIX в. буддийское духовенство приступило к повсеместной стилиевой реконструкции старых зданий цогчен-дуганов. Отдельные из них намерено перестраивались, возводились новые храмы, теперь уже в традициях тибетского, монгольского и китайского культового зодчества [Асалханова, 2015, с. 43; Жамсуева, 20016, с. 59].

Цугольский дацан в начале XIX в. являлся крупным религиозным, культовым и просветительским центром Восточного Забайкалья. Подтверждение этому находим в дневниковых записях исследователя Б. Барадина, который заметил, что дацан имел выдающуюся роль в деле распространения буддизма в Забайкалье. В нем впервые были открыты и впоследствии получили широкое развитие философская школа — цаннит-чойра, и отделение тибетской медицины — манба. В 1845 г. первым настоятелем Цугольского дацана Лубсаном Дандаровым при монастыре была основана цаннитская школа буддийской философии. Для обучения в ней «собирались лучшие» ламы «со всех сторон инородческого Забайкалья» [Жамсуева, 2001а, с. 118].

В данном аспекте особую историческую ценность представляет другая акварель Прокопия Рязанцева — «Философский диспут в Цугольском дацане», написанная им в 1858 г. (ил. 3). На ней мастер запечатлел традиционный урок на философском факультете школы чойра (цаннит). Зритель получает уникальную возможность познакомиться не только с методикой преподавания на данном факультете, но и увидеть убранство интерьера цаннит-дацана. Перед зрителем предстает просторное помещение зала для молебнов, со статуей божества по центру. Зал

разделяют шесть рядов высоких деревянных колонн без окраса по четыре в каждом ряду (размер зала — приблизительно 20 м в ширину, 25 м в длину, с 24-мя опорами). Основания деревянных колонн вставлены в массивные продольные базы-балки, представляющие собой единый массив. Эти базы зачастую использовались как скамейки. На картине все присутствующие в зале храма разделены на пары: сидящий учитель-лама в желтой шапочке и ученик-хуварак, стоящий без головного убора. Основной методикой обучения в этих школах было заучивание наизусть главных доктринальных текстов буддизма и повседневные теоретические споры, так называемые учебные диспуты, выстроенные по строгим правилам логики и диалектики. В ходе длительных дискуссий опровергались ложные толкования учения, объяснялись и закреплялись истинные теологические положения буддизма. В свою очередь все цугольские учителя-ламы проходили обучение в монастырях Центрального Тибета и Амдо (Лавран). Современные исследователи ламаизма свидетельствуют о том, что уровень получаемого образования в школах цаннит «был достаточно высоким». Выпускники дацанской школы были известны далеко за пределами Забайкалья. Их нередко приглашали для служения в Монголию и даже в Тибет.

Ценнейшей в историко-этнографическом плане является и акварель П.Н. Рязанцева «Благословение ширетуя» (ил. 4). Акварель была завершена в 1859 г. Она уникальна тем, что является единственным сохранившимся в истории портретным изображением выдающейся личности Восточного Забайкалья Джебцзуна Агван Лубсана Данзина Одер Лхундуб Балсанбо, который был широко известен под кратким именем Лубсан Дандаров. На ней первый настоятель Цугольского дацана изображен глубоким старцем, одетым в желтое ламское орхимжо. Согласно традициям северного буддизма, течение «желтошапочников», или школы гелукпа, появилось в Тибете в XIV в. в монастыре под названием Гелук. Ее основателем считается тибетский монах Цзонхава. Палитра рассматриваемого художественного произведения насыщена желто-золотистыми, красными, оранжево-коричневыми тонами красок, создающими ощущение торжественно-праздничной атмосферы и одновременно придающими обряду благословения некую таинственность.

Настоятель Лубсан Дандаров, наиболее известный представитель бурятского буддийского духовенства в крае, зарекомендовал себя талантливым мыслителем и философом. Под его непосредственным руководством началось строительство первого стационарного здания главного культового сооружения заложенного им же ранее первого Цугольского дацана. Впоследствии Дандаров возглавил монастырь в должности настоятеля. При нем в Цугольском дацане основываются первые школы буддийского школьного образования, закладываются самобытные традиции, позволившие монастырю превратиться в крупный буддийский учебный центр Забайкальского края. Как человек широко образованный, Лубсан Дандаров ощущал необходимость создания прочной научной базы школы. Под его руководством разворачивается активная деятельность по переводу религиозных, медицинских, литературных, философских и пр. источников с тибетского,

монгольского, китайского языков. Им тратятся немалые деньги на закупку дорогостоящего комплекса ксилографического Ганжура, печатавшего красной киноварью. С его помощью приступают в дацане к изданию собственных книг и формированию уникальной монастырской библиотеки. Просветительно-образовательная многообразная и разносторонняя деятельность Лубсана Дандарова была признана и высоко оценена на правительственном уровне: «в 1832 г. высочайше пожалован золотой нашейной медалью, а в 1842 г. — золотыми карманными часами и избран в члены Императорского Вольного Экономического общества» [Алферина, 2001, с. 132]. Более полный материал о биографии этого незаурядного человека можно найти в работах современных исследователей Д.С. Жамсуевой, Гончикова Бато-Цырен лама, Ц.П. Ванчиковой [Жамсуева, 2001а, с. 16-22; Гончиков Бато-Цырен лама, 2001; Ванчикова, 2001].

Глубокое знание П.Н. Рязанцевым разных сторон жизни бурят, запечатленные на его акварелях, представляют нам редкую возможность прикоснуться ко многим малоизвестным сторонам истории этнокультуры нашего края и вновь открыть их для себя. Будучи признанным мастером, в творчестве которого реалистично отображалась окружающая его действительность, в 1862 г. он принимает участие в первой «Сельскохозяйственной и промышленной выставке», проходившей в Чите. На сегодняшний день, к сожалению, не удалось установить точное число представленных им на выставку художественных произведений. Сохранившиеся сведения довольно противоречивы: так, согласно отчету сотника Амурского казачьего войска князя П.А. Кропоткина, художник выставил пять своих работ, в то время как известный краевед А.В. Харчевников, опирающийся на уцелевшие отрывочные записи из личных документов и переписки Рязанцева, говорит о шести произведениях. Тематика акварелей, выставленных на ярмарке, освещала специфику бурятского быта. Жизненная достоверность, композиционная выразительность, почти профессиональная техника письма — все это не могло не привлечь внимание общественности. Высокая оценка, данная всем его работам, позволила Рязанцеву получить премию в двадцать рублей серебром. Позднее эти акварели были приобретены для пополнения личной коллекции известным читинским купцом И.И. Шиловым [Харчевников, 1924; Описание...», с. 171; Выставка..., 1898].

Неслучаен и тот факт, что проезжающему в 1873 г. через небольшой провинциальный г. Нерчинск великому князю Алексею Александровичу была подарена картина местного художника-любителя, изображающая моление лам у ключа в момент, когда буряты бросают монеты в источник. Картина произвела положительное впечатление, и за нее П. Рязанцев получил от великого князя золотые именные часы с цепочкой и соответствующую грамоту. Это возвысило его художественный авторитет и открыло перед ним дорогу серьезного признания.

Находясь в уже преклонном возрасте, Прокопий Николаевич в 1887 г. подает прошение об отставке и уступает место одному из своих талантливых учеников — Афиногену Пантелеймоновичу Колосову, который из преподавателя искусств Нерчинского уездного училища смог впоследствии вырасти до

уровня известного художника края. После отставки Рязанцев вместе с семьей сразу же выехал в Благовещенск, к старшему сыну. Служивший на частных приисках сын смог обеспечить отца всем необходимым для жизни. Прокопий Николаевич продолжил свою творческую деятельность — много и плодотворно работал, рисовал виды Амура и прекрасные таежные пейзажи, делал портретные зарисовки коренного населения (гиляков) и их быта.

Незабываемое событие в жизни маленького, провинциального Благовещенска — встреча с проезжающим из Японии в 1891 г. наследником Российского престола Николаем — стало новой яркой страницей в творческой судьбе художника Рязанцева. Одну из своих картин, на которой изображена езда гиляков на собаках, художник поднес именитому гостю. Колоритное изображение жизни коренного населения Амура понравилось молодому цесаревичу Николаю, работа была оценена по достоинству: за нее Рязанцев получил серебряную медаль с изображением императора Александра III. Попытка современных исследователей (Е.С. Бушуевой) разыскать в 2003 г. данное художественное произведение привела в фондохранилище Эрмитажа. В дошедших до наших дней описях действительно имелось упоминание о данном художественном произведении П.Н. Рязанцева. В них сохранились указания конкретных размеров работы, описаны техника исполнения и сюжет картины, дословно приводится краткая запись на обороте произведения, исполненная, по всей вероятности, ее автором. Тем не менее, самой работы найти не удалось, т.к. согласно архивным записям Эрмитажа она в 20-40-е гг. XX в. была отправлена в один из провинциальных музеев Центральной России для пополнения и разнообразия его фондов. В какой конкретно музей была передана реликвия, к сожалению, не указывалось [Бушуева, 2016, с. 140].

Дожив до глубокой старости, Прокопий Николаевич скончался 7 сентября 1897 г. на прииске Николаевском, находящемся в глухой тайге, «в 12 верстах от реки Амура и в 200 верстах от города Николаевска». Здесь он и был похоронен, затерявшись в неизвестности.

Личность Прокопия Николаевича Рязанцева столь значительна в истории культуры края, что разговор о ней требует своего продолжения. Его творческое наследие, с присущей историко-этнографической направленностью, с годами приобретает все большую ценность.

Список литературы

1. Алферина М.И. Забайкальские дацаны в документах и фотографиях Читинского областного краеведческого музея им. А.К. Кузнецова // Мир Буддийской культуры: мат. международного симпозиума. — Агинское; Чита: [б. и.] 2001. — С. 131–135.
2. Асалханова Е.В. Буддийский храм в Петербурге (1909–1915 гг.). К столетию со дня основания. Концепция и программа историко-художественной реконструкции живописного убранств. — Иркутск: Изд-во ИРНТУ, 2015. — 191 с.
3. Бушуева Е.С. Наследие Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря: приходской храм и его настоятели (1775–1930 гг.). — Иркутск: ИГУ, 2016. — 319 с.

4. Ванчикова Ц.П. Тибетские и монгольские источники о деятельности первых настоятелей Цугольского дацана // Мир Буддийской культуры: мат. международного симпозиума. — Агинское; Чита: [б. и.] 2001. — С. 81–192.

5. Выставка в Забайкальской области сельских и других произведений в г. Чите в 1862 г. (Доклад, прочитанный А.К. Кузнецовым 24 июля 1898 г. в заседании членов комитета сельскохозяйственной и промышленной выставки) — Чита: типограф. Заб. обл. правления, 1899. — 24 с.

6. Гончиков Бато-Цырен лама. Современная история Цугольского дацана // Мир Буддийской культуры: мат. международного симпозиума. — Агинское; Чита: [б. и.] 2001. — С. 22–34.

7. Жамсуева Д.С. Агинские дацаны как памятники истории культуры. — Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001а. — 142 с.

8. Жамсуева Д.С. Цугольский дацан: страницы истории // Мир Буддийской культуры: мат. международного симпозиума. — Агинское – Чита – Улан-Удэ [б. и.] 2001б. — С. 16–22.

9. Харчевников А.В. Материалы к биографии П.Н. Рязанцева. — Чита: типограф. Военпура, 1924. — 68 с.

References

1. Alferina M.I. Zabajkal'skie daczany` v dokumentax i fotografiyax Chitinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya im. A.K. Kuznecova. In *Mir Buddijskoj kul'tury` : mat. mezhdunarodnogo simpoziuma*. Aginskoe; Chita: [b. i.] 2001, pp. 131–135.

2. Asalxanova E.V. Buddijskij xram v Peterburge (1909–1915 gg.). K stoletiyu so dnya osnovaniya. Konceptsiya i programma istoriko-xudozhestvennoj rekonstrukcii zhivopisnogo ubranstv. Irkutsk: Irkutskij nacional'ny`j issledovatel'skij texniceskij universitet Publ., 2015, 191 p.

3. Bushueva E.S. Nasledie Nerchinskogo Svyato-Uspenskogo muzhskogo monasty`rya : prihodskoj xram i ego nastoyateli (1775–1930 gg.). Irkutsk: Irkutskij gosudarstvenny`j universitet Publ., 2016. — 319 p.

4. Gonchikov Bato-Cyren lama. Sovremennaya istoriya Czugol'skogo daczana. In *Mir Buddijskoj kul'tury` : mat. mezhdunarodnogo simpoziuma*. Aginskoe; Chita: [b. i.] 2001, pp. 22–34.

5. Vanchikova Cz.P. Tibetskie i mongol'skie istochniki o deyatel`nosti pervy`x nastoyatelej Czugol'skogo daczana/ In *Mir Buddijskoj kul'tury` : mat. mezhdunarodnogo simpoziuma*. Aginskoe; Chita: [b. i.] 2001, pp. 81–92.

6. Vy`stavka v Zabajkal'skoj oblasti sel'skix i drugix proizvedenij v g. Chite v 1862 g. (Doklad, pročitanny`j A.K. Kuznecovy`m 24 iyulya 1898 g. v zasedanii chlenov komiteta sel'skoxozyajstvennoj i promy`shlennoj vy`stavke). Chita: tipograf. Zab. obl. pravleniya, 1899, 24 p.

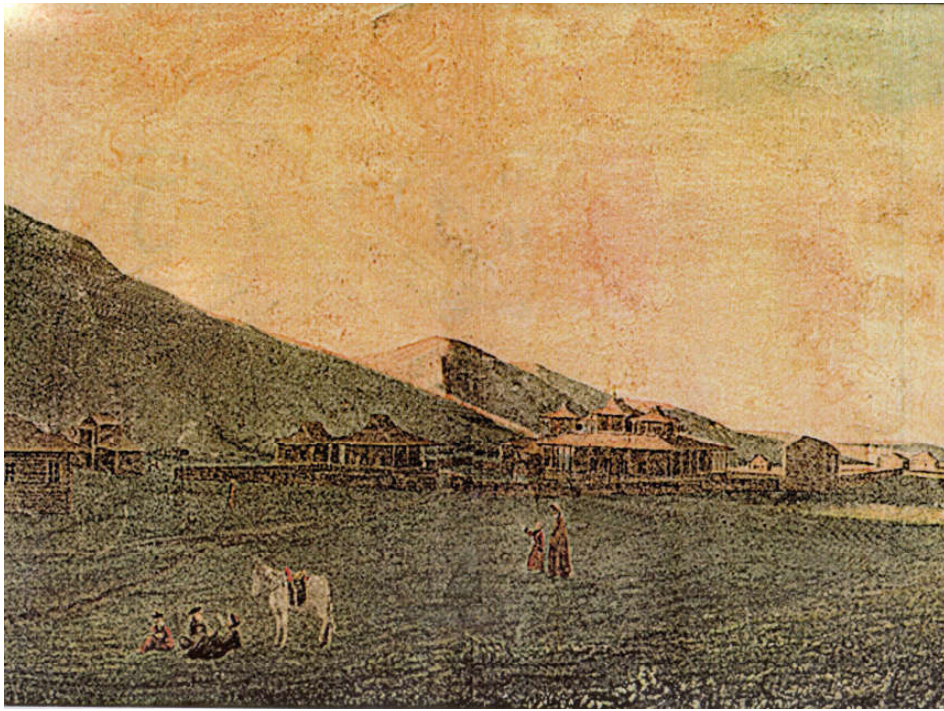
7. Xarчевников A.V. Materialy` k biografii P.N. Ryzanceva. Chita: tipograf. Voенпура, 1924, 68 p

8. Zhamsueva D.S. Aginskie daczany` kak pamyatniki istorii kul'tury`. Ulan-Ude`: Buryatskij nauchny`j centr SB RAS Publ., 2001a, 142 p.

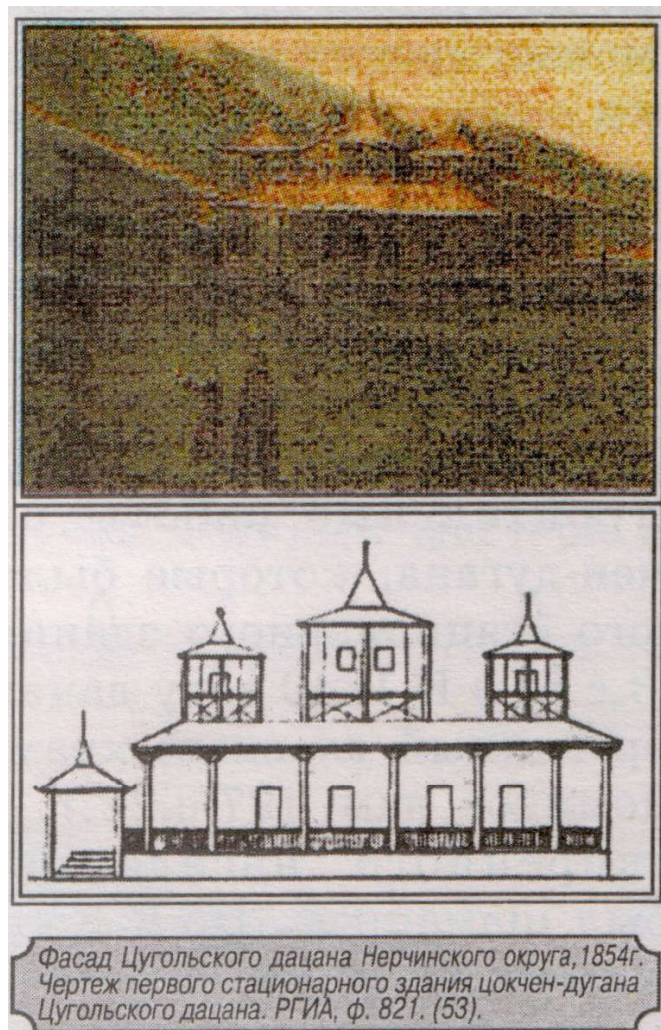
9. Zhamsueva D.S. Czugol'skij daczan: stranicy istorii. In *Mir Buddijskoj kul'tury` : mat. mezhdunarodnogo simpoziuma*. Aginskoe; Chita: [b. i.] 2001b, pp. 16–22.

Список источников

Описание первой Забайкальской выставки сельских и других произведений, бывшей в г. Чите в 1862 г. (составлено по поручению комитета о Выставке сотником Амурского казачьего войска кн. Кропоткиным). Рукопись. [Из фондов Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова г. Читы].

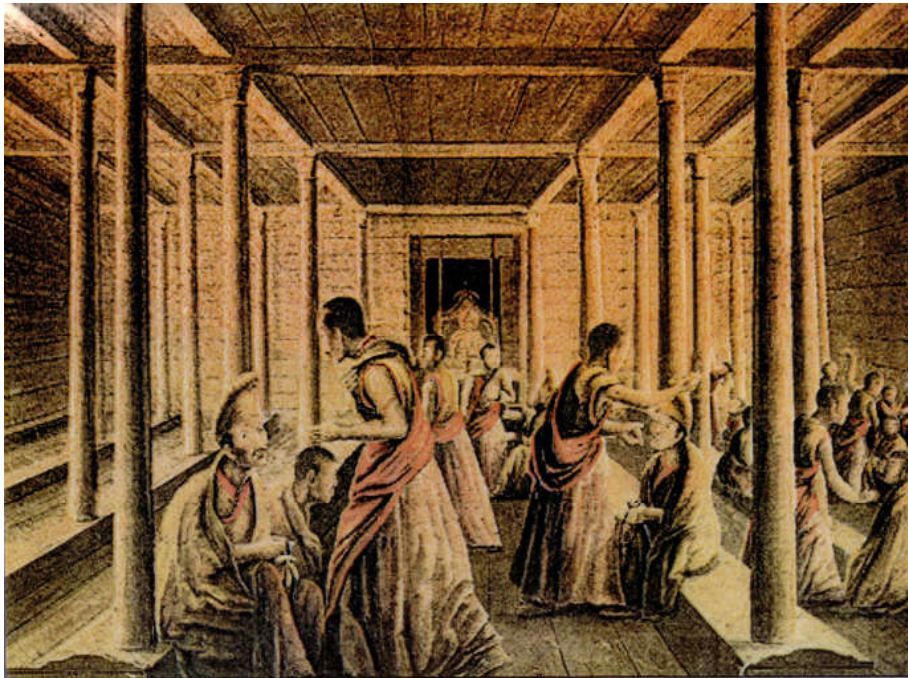

Ил. 1. П.Н. Рязанцев. «Старый Цугольский дацан». Акварель. 1859 г.
Из фондов Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова г. Читы

Фасад Цугольского дацана Нерчинского округа, 1854г.
Чертеж первого стационарного здания цокчен-дугана
Цугольского дацана: РГИА, ф. 821. (53).

Ил. 2. Вверху: фасад Цугольского дацана Нерчинского округа, 1854 г. Внизу: Чертеж первого «трехглавого» стационарного здания цокчен-дугана Цугольского дацана. [Жамсуева, 20016, с. 54]

Ил. 3. П.Н. Рязанцев. «Философский диспут в Цугольском дацане». Акварель. 1858 г. Из фондов Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова г. Читы

Ил. 4. П.Н. Рязанцев. «Благословение ширетуя». Акварель. 1859 г. Из фондов Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова г. Читы